

УДК 398(470.53)

К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ КОЛХОЗНОГО ФОЛЬКЛОР ПРИКАМЬЯ¹

Иван Алексеевич Подюков

д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. podjukov@yandex.ru

Екатерина Николаевна Свалова

аспирант кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. svalova87@mail.ru

В статье рассматриваются особенности двух культурно-языковых пластов, входящих в общий корпус колхозного фольклора Прикамья 1930-х – 1970-х гг.: колхозной топонимики (названий колхозов и сельхозартелей) и свода колхозной частушки. Дан анализ смыслового содержания, особенностей образности и символизма колхозных агронимов и советской частушки, описаны их идеологические коннотации и стилистические качества, раскрыта их связь с советской политической мифологией и идеологией. Представлены выводы об изменении традиционного крестьянского сознания, о трансформациях традиционной духовной культуры русской деревни, вызванных политическими событиями XX в.

Ключевые слова: язык и фольклор советской эпохи; народное языковое творчество; образность и символизм лирического фольклора; идеология и символика тоталитарного общества; политическая мифология в СССР.

Современные науки активно исследуют особенности советской эпохи, ее язык и литературу, знаки и символы, быт и повседневность, стереотипы поведения и психологию советского человека. Одно из печальных наследий советского времени – социальная трансформация крестьянства, его пролетаризация, вызванная выталкиванием сельского населения с земли (см. подробно: [Исюмова 2008]). Раскрестьянивание выразилось не только в ликвидации основных условий воспроизводства крестьянского двора, в отчуждении крестьянина от земли и средств производства, но и в изменении его сознания, в формировании особого социально-культурного типа работника, занятого в сельском хозяйстве. Обобществление труда привело к принципиальным переменам в ментальной сфере жителя русской деревни. Социалистическая идеология сформировала уникальный социокультурный тип личности с амбивалентными ценностями и население «с раздвоенной культурной самоидентификацией» [Добренко 2009: 134]. В советском человеке, выросшем из общинного крестьянского коммунизма, парадоксально соединились, отражая противоре-

чия самой эпохи, энтузиазм и социальная пассивность, героизм и неспособность брать на себя ответственность, стремление к самосовершенствованию и конформизм, подчиненность системе, убежденность в том, что жизнь коллектива выше любых других ценностей.

Собирание крестьян в коммуны и артели на Урале и в Прикамье проводится уже в 1920 г. На XV съезде ВКП(б) (1927 г.) было принято решение о коллективизации, в 1929 г. И. Сталин провозгласил лозунг сплошной коллективизации, и уже к концу 1929 г. около 40% крестьянских хозяйств Прикамья были обобществлены. К 1938 г. было коллективизировано 93% крестьянских хозяйств Прикамья, создано более 3 тыс. колхозов. Большинство из них, как и в целом в России, было организовано путем насильственного обобществления средств производства. «Сбивание в колхоз», как это оценивает народное выражение, не было пропагандируемым «широчайшим движением бедняцко-средняцких масс». Те, кто противился переходу в колхоз, подвергались гонениям: исключались из потребкооперации, им не разрешалось приобретать промтовары; как рас-

сказывают очевидцы тех лет, крестьянам-неколхозникам и их детям не разрешалось даже смотреть кинофильмы, которые в это время стали в глухие места привозить кинопередвижки. Точно так же с не сдавшими излишки хлеба государству «злостными зажимщиками» под страхом наказания запрещалось разговаривать, у них отбирали покосы, отказывали в приёме скота в общественное стадо, исключали из кооперации. В яркой форме о подобных унижениях рассказывает частушка *Ой, колхозники-безбожники, пойдёте пировать. Одноличникам-тряпичникам не будем подавать* (единоличник исключается из общего праздника, ему не подают пить, называют за бережливость и экономность *тряпичником*, т.е. скупым и мелочным человеком).

30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило документ «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», на основании которого началась ликвидация кулачества, выселение единоличных хозяйств. В ответ на это во многих территориях Прикамья проходят коллективные выступления крестьян (в том числе и вооруженные) в поддержку единоличной жизни. По спецсводкам ОГПУ, в д.Подка Черновского района, например, был вывешен лозунг «Долой колхозы, да здравствует единоличное хозяйство!»; в Сиве произошло демонстративное антисоветское выступление «Долой колхозы, да здравствует единоличник!» [Иванова]. По количеству высланных «кулаков» Урал занял первое место в стране [Плотников 1993: 160].

Духовная жизнь насильственно созданных коллективных хозяйств, ставших новой формой крепостной зависимости, была подчинена идеологическому контролю, системе социально-политических мифов. В основе этих мифов – насаждаемая всеми средствами «коммунистическая идейность», почти религиозная вера в светлое будущее. Одновременно с упрочением нового уклада стремительно разрушалась многовековая обрядовая традиция (с 30-х гг. XX в. «выветривается» традиционная свадьба, исчезают основные аграрные обряды, поскольку урожай на обобществленном колхозном поле фактически мало кого интересует). Традиционный фольклор либо запрещается, либо подвергается идеологической обработке и фальсифицируется. Ведущей темой в нем становится тема труда. Труд социалистический, коллективный прославляется в частушках (*Пой, подруженька моя, подруженька активная. Никогда не надоест работа коллективная²*), утверждается в названиях коллективных хозяйств (совхоз «Дружный» Чернуш., колхозы «Коллективный труд» Ильинск., «Объеди-

ненный труд» Черд., «Коллективист» Караг.; ср. также «Пчела» Ильинск., «Трудовая пчела» Юрл., «Муравей» Ел., где идея совместности выражена соотношением с насекомыми, воспринимаемыми как воплощение коллективного трудолюбия). В частушках и песнях, в массе названий колхозов прославляется ударный коммунистический труд (*У колодца вся деревня ключевую воду пьёт. Вся деревня про ударницу частушечки поёт*; ср. в агронимах: «Ленинский ударник» Верецаг., «Ударник» Добр., «Ударник сощполей» Ильинск., «Передовик» и «Авангард» Част.). Сочиняется немало псевдонародных пословиц и поговорок, утверждающих новые идеологические ценности: *Береги колхоз – получишь хлеба воз, Колхоз богат – колхозник рад, Ни межи, ни краю колхозному урожаю*. Очевидна стилистическая бедность и безобразность таких подделок, нередко построенных на базе традиционных выражений (как выражение *Недаром говорится: кулак колхоза боится*, восходящее к пословице о мастеровитом человеке). Главные эмоции идеологически препарированного фольклора – оптимизм и ощущение счастья (*С каждым днём колхозы большие начинают богатеть. Дома строят, тёмсом кроют, любо-дорого смотреть*). «Насажение» веселья и радости осуществлялось в том числе контролем за репертуаром коллективов самодеятельности, составлением соответствующих песенных сборников в помощь сельским пропагандистам.

Наглядным свидетельством искусственности создаваемого нового уклада является топонимическое творчество периода образования коллективных хозяйств. В советской агронимике редки традиционные ориентирующие, содержащие топонимические привязки названия (колхоз «Нижнелобановский» Юрл., «Верх-Урлка» Сол., кооператив «Кишертская нива» Киш.); мало в ней названий, отражающих колорит края и специфику сельского труда («Многополец» Ел. – из *многополье*, обозначение наиболее продуктивной системы земледелия, заключающейся в чередовании посевов, «Новина» Лысьв. – от *новина* 'непаханная земля, целина'). При создании названий сельхозартелей, ТОЗов и колхозов главенствующим становится идеологический принцип: колхоз «Ответ вредителям» (Волог. обл.), «Крах кулаку» (Подмосковье), «Заря будущего» (Юсьв. район Перм. обл.).

Названия колхозов лишь условно можно отнести к агротопонимам, поскольку в них слабо выражена индивидуализирующая и ориентирующая функции. Базой для агронимов легко становятся многие отвлеченные, информативно ослабленные существительные, используемые

как названия реалий и понятий советского строя («Правда» Бард., «Свобода» Черд., Добр., «Совет» Юсьв., «Девиз» Киш.) или в обобщенном виде подчеркивающие позитивную направленность хозяйственной деятельности («Прогресс» Нытв., «Возрождение» Караг., Верещаг., «Удача» Орд.). Большинство же названий представляло собой простые и удобные идеологические клише, призванные внедрить в массовое сознание коммунистические идеалы. Только в Кировской области, например, насчитывалось 36 колхозов с названием «Новая жизнь», которым утверждалось строительство нового мира вместо разрушенного «до основанья» старого (то же в Прикамье: колхоз «Новый путь» Ел., Част., «Новый строй» Александровск., Ильинск., Добр., «Новый быт» Караг., «Новый мир» Краснокамск., «Новая деревня» и «Новая жизнь» Лысьв., «Новое поле» Киш.). Не один десяток колхозов в стране получил название «Красный Путиловец» (это название, где слово *красный* синонимично слову *революционный*, известно в Белгородской, Волгоградской, Воронежской, Кировской, Тамбовской, Тверской областях; в Пермской области такой колхоз существовал в Косинском районе). Все эти агронимы восходят к названию ленинградского завода «Красный Путиловец», который выпускал трактор «Фордзон-путиловец», ставший идеологическим символом победы советской механизации над ручным трудом. В названии Путиловского завода, известного с 1868 г., не было никаких идеологических смыслов (в свое время был назван по фамилии учредителя, промышленника Николая Путилова, чья фамилия образована от древнерусского нецерковного имени Путило).

Агитационно-пропагандистская направленность, патетическое звучание большинства названий колхозов сближает их с другими средствами идеологического воздействия. Даже структурно они нередко оформляются как лозунги (колхоз «Пятилетка – в 4 года» – Чернуш.); призывность ощущается и в названиях: «На страже мира» Верещаг., «За урожай» Караг., «За мир» Верещаг., Ел., «За социализм» Караг., «За коммунизм» Сукс., «За мировой октябрь» Ильинск.

Как показывают исследования последнего времени (см.: [Антонова]), названия колхозов создавались на основе нескольких идеологических тем, или кодов. Крайне частотна в агронимике тема Ленина, вдохновителя и организатора Октябрьской революции, создателя Советского государства. В названии хозяйств в знак почтения вождя используется его фамилия – колхоз *им. Ленина* Орд., Сив., Караг., Киш., реже – отче-

ство «Ильич» Ох. С помощью слов *память, заветы, путь* специально выделяется идея верности заветам Ленина: «Память Ленина» Чернуш., «Заветы Ленина» Юсьв., «Путь Ленина» Ос., «Ленинский путь» Ох.; члены колхоза предстают как продолжатели дела коммунистического вождя (в названии «Ленинцы» Чернуш., «Ленинский ударник» Верещаг.). Любопытно несколько выпадающее из общего ряда название «Колос Ленина» Уинск., которое содержит частый в советской геральдике символ «колос». Этот символ обычно используется в названиях самостоятельно, при этом номинация хозяйства соотносится с хлебопашеством (ср. Ос., Верещаг. колхоз «Колос»). Введение в название имени Ленина сообщает ему вполне мифологический смысл: колхоз не просто возвращает хлеб, спасающий от нужды, он часть «ленинского» поля, на котором хлеб предстает как некое чудесное средство, открывающее трудящимся России и всего мира путь к вечному счастью.

Коммунистическая идея обозначена также в названиях колхозов в честь деятелей коммунистической партии: «им. Сталина» Перм., Част., Лысьв., Киш., Уинск и др., «Сталинец» Кудымк., Нытв., «им. Калинина» Ел., «им. Фурманова» Ел., «им. Кирова» Ел., «им. Молотова» Чус., «им. Крупской» Ильинск., «им. Маленкова» Нытв., «Память Калинина» Ос., «Памяти Куйбышева» Чайк.; в названиях, включающих имена героев гражданской и отечественной войн, организаторов колхозов. Так, ряд пермских колхозов носит имя *С.А. Окулова*, руководившего освобождением в 1919 г. Перми от белогвардейцев; колхоз *им. Киселёва* Уинск. назван в честь расстрелянного белыми комиссара *М.С. Киселёва*, колхоз «Симонковский» Лысьв. – по фамилии крестьянина, первым зашедшего в колхоз, а колхоз «Памяти Злыгостева» Ел. носит имя Героя Советского Союза И.И. Злыгостева. Колхозы Прикамья, как и всей страны, получают имена прославленных шахтеров (колхоз «Стахановец» Чернуш., «им. Стаханова» Кунг., Черд.), лёгчиков («им. Чкалова» Чернуш.). Название колхоза «им. Степана Разина» Сукс. – пример, показывающий огромный интерес идеологов советского государства к предводителю крестьянского восстания Разину как к борцу за свободу (показательно, что Степан Разин был одним из первых в списке пламенных революционеров, кому было решено ставить памятник).

При создании мемориальных названий эпизодически встречаются обращения к именам писателей и других культурных деятелей (колхоз «Память Пушкина» Ильинск., «им. Пушкина» Караг., «им. Д.Бедного» Сукс., «Максима Горь-

кого» Юрл.; ср. также колхоз «им. Шолохова» на Дону, «им. Луначарского» в Удмуртии). Время создания колхозов совпало со временем так называемой культурной революции, которая включала в себя ликвидацию безграмотности, создание сети учебных заведений, библиотек, театров (отсюда, очевидно, и довоенные названия колхозов «Культура» Куед., Чернуш., «Наука» Верещаг., Нытв.). Появление имени Пушкина в названиях колхозов во многом объясняется тем, что в 1937 г. (в самый пик сталинских репрессий) в стране с особым размахом отмечалась столетняя годовщина со дня смерти великого поэта. Тиражирование имени Пушкина связано еще и с тем, что в сталинской пушкинистике А.С.Пушкина сделали провозвестником коммунизма.

Названия колхозов могут передавать идеологический смысл величия дела революции описательно, указанием на связанные с ней знаменательные даты. Наименования многочисленных хозяйств обращены к одному из главных событий российской истории XX в. – Октябрьской революции: «Революция» Перм., Большесосн. (ср. также «Революционер» в Курганской области). Любопытный пример метафорического развертывания идеи колхозной жизни как служения делу революции представляет название «Волна революции» Ел., Уинск. Поскольку слово *волна* широко употребляется как «универсальный символ трансформаций, перемен, распространяющихся в пространстве <...> и с неумолимостью вновь и вновь его преобразующих, обновляющих» [Лапкин], использование метафоры волны уподобляет деятельность партии действию очистительной природной стихии [Разинкина 2011]. Любопытно, что в свое время эта метафора легла даже в основу некоторых населенных пунктов (ср. название посёлка в Темрюкском районе Краснодарского края «Волна революции»).

Понятие *революция* часто используется с указанием на дату: «Октябрь» Нытв., «Тринадцатый октябрь» Сукс., «40 лет Октября» Добр., «Красный Октябрь» Чернуш., Юрл., «Великий октябрь» Юрл., «Мировой Октябрь» Сукс. Название может быть посвящено красным датам календаря, различным революционным и партийным событиям: «1 Мая» Ильинск., Нытв., «8 марта» Ильинск., Чернуш., «23 февраля» Караг., сельхозартель «6-й съезд Советов» Добр., Колхоз «4 Райпартконференции» Черд., «2 пятилетка» Ильинск. Немало названий, где предприятие обозначено по партийной или социальной характеристике: колхоз «Большевик» Кунг., Чайк., «Красноармеец» Чернуш., Юрл., «Пролетарий», «Пролетариат» Юрл.

Большое количество названий отражает идею революционности символически. Наиболее часто в названиях прилагательное «красный», имеющее словарное значение «связанный с революционной деятельностью, советским строем». В советском языке слово использовалось как определенное мерило революционности, что закреплено в устойчивых номинациях *красная свадьба* (свадьба, которая проводилась как публичное мероприятие в противовес традиционной свадьбе с венчанием), *красные частушки* (так называется изданный в 1920 г. сборник революционных частушек (см.: [Тихомиров 1920]). В названии колхозов определение *красный* употребляется по отношению к предметам, ассоциирующимся с сельским трудом («Красный плуг» Бард.), относится к именованию человека по роду деятельности («Красный сеятель» Ильинск., «Красный боец» Ильинск., Чернуш., «Красный борец» Сив., «Красный партизан» Б.-Сосн., Караг., Юрл., «Красный пахарь» Чернуш., «Красный труженик» Караг.), к обозначению тех или иных территорий («Красный Урал» Ильинск., Чернуш., «Красный север» Ильинск., «Красный Бор» Ильинск., «Красные горы» Чернуш., «Красная чайка» Уинск. – в последнем случае включает указание на место расположения – п. Чайка), на общереволюционные символы («Красное знамя» Чернуш., «Красная звезда» Ильинск., Черд., Чернуш., Юрл.). Во всех этих агронимах отражен пафос революционной романтики, связанной с идеологическими установками на создание новой жизни и нового человека. Неслучайно эти названия пародируются в народе: в языке до сих пор сохраняется выражение *колхоз «Красный Лапоть»* как ироническая характеристика отсталого колхоза [Мокиенко, Никитина 2008].

Еще один высокочастотный символ, отраженный в названиях колхозов, это символ пути, восходящий, возможно, еще к фольклору и религиозным текстам. Как заметила О.А.Черепанова, в текстах XI–XVII вв. в переносных и символических значениях *путь* – сугубо книжная лексема, поскольку символика пути связана с христианско-религиозным взглядом на мир (в отличие от символика дороги, связанной с языческим мировоззрением и мироощущением) [Черепанова 2000]. Если высокие перифразы «*земной путь*», «*жизненный путь*» обозначают жизнь человека от рождения до смерти, то агронимы с названием *путь* представляют движение к коммунистическому завтра: «Путь к коммунизму» Юрл., «Путь к социализму» Черд. Надежда народа на светлое будущее проявилась в названиях-идеологемах «Новый путь» Ел., «Верный путь»

Куд., «*Передовой путь*» Сол., «*Путь Ленина*» Нытв. Показательно, что и в наши дни эта тема обыгрывается (уже в резко ироническом осмыслении) в анекдотах («На колхозном собрании колхоз «*Путь Ленина*» было решено переименовать в «*Лень Путина*»). Еще более злая ирония выражена в народном переназывании колхоза «*Светлый путь*» Киш. на «*Последний путь*» (ср. также каламбур о колхозе «*Заря*» Кунг.: «*Колхоз "Заря", работам зря*»).

Следы идеологических коннотаций хранят в себе названия, в которых в качестве символа использованы номинации техники, применяемой в сельском хозяйстве: колхоз «*Трактор*» Александровск., Орд., Чернуш., Киш., «*Комбайн*» Чернуш., «*Уралсепаратор*» Ильинск. (ср. также колхоз «*Культиватор*» в Нижегородской области). В отличие от названия «*Плуг*» Юсьв. в этих случаях подчеркивается значимость технического перевооружения коллективных хозяйств. Редким и любопытным примером метафорической номинации является соотнесение колхоза с мощным кораблем, раздвигающим вечные льды: колхоз «*Ледокол*» Березовск. Скорее всего колхоз был назван в честь ледокола «*Красин*», который в середине XX в. считался самым мощным в мире и прославился спасением участников полета дирижабля «*Италия*» (известен колхоз «*Ледокол Красина*» в Нижегородской области). Соотнесение с механизмом, обеспечивающим движение, использовано в названии колхоза «*Двигатель*» Чернуш. Атмосферу прошлого передают также названия-технизмы типа «*Магнит*» Киш. (можно предположить, что названием передана идея притягательности колхозной жизни), «*Цемент*» Киш. (словом *цемент* в данном случае, как в известном романе Ф.Гладкого, символически подчеркивается негибкая воля партии коммунистов, скрепляющая советское общество).

Атмосфера времени передается также образно-символическими аналогиями с метеорологическими явлениями: названия колхозов «*Восход*» Ильинск., Сукс., Перм., «*Восход социализма*» Перм., «*Рассвет*» Орд., Чернуш., Нытв., Юрл., «*Заря*» Кунг., Сив., Черд., «*Заря свободы*» Добр., «*Заря будущего*» Юсьв. строятся на осмыслении начала нового дня как времени победы светлых сил. По этой же логике для названий выбираются обозначения светлых, теплых времен года «*Весна*» Чус., «*Лето*» Перм., стороны света, связанной с восходом солнца Ос., Добр. «*Восток*». Отмечено обращение и к северной географической координате, которое не только вводит географическую привязку «*Север*» Черд., «*Северный*» Сол., но и, вероятно, развивает позитивные са-

кральные характеристики Севера как территории, связанной с чистотой, полнотой и одновременно как «суровой» среды, что, очевидно, должно было подчеркивать романтическую идею бесстрашия колхозников в преодолении трудностей («*Север*» Кунг.).

Названия колхозов могут отражать идею огня и света, часто направленного, рассекающего мглу, – «*Маяк*» Чернуш., «*Луч*» Верещаг., «*Прожектор*» Кудымк. Созданное в этом же ключе название колхоза «*Зарево*» Ильинск. строится, вероятно, на переосмыслении огненного отблеска на небе (как от небесных явлений, так и от пожара на земле) в связи с желанием подчеркнуть идею совместной, колхозной жизни как источника тревоги для частных хозяйств (этот же смысл мотивирует названия «*Тревога*» Ильинск., «*Гудок*» Караг., «*Сигнал*» Усол.). Аналогично название колхоза «*Вулкан*» Ильинск. соотносится с именем божества разрушительного и одновременно очистительного пламени. С разворачиванием известной милитаристской темы, когда СССР предстает как военизированное общество, государство, окруженное агрессорами, соотносятся названия колхозов «*Победа*» Караг., Нытв., «*Победитель*» Ох., «*Вторая Победа*» Чернуш., «*Бронь*» Перм., артель «*Борьба*» Бард.

Приведенные выше имена пермских сельхозпредприятий, отличающиеся повышенной идеологической окраской, уходят из современного быта неохотно. В наши дни уже мало кто связывает эти названия с коммунистической идеологией. Они сохраняются как часть российской истории, тем более что многим колхозам нельзя вернуть начальное имя, поскольку они первичны: их можно лишь переименовать. К тому же традиция называть агропредприятия в честь нынешних лидеров, знаменательных людей до сих пор жива (именем президента России *В.В.Путина* не так давно был назван, например, колхоз в Курьинском районе Алтайского края). Поэтому современную агробиологию отличает ярко выраженный эклектизм – рядом с коммунистическими названиями, олицетворяющими не только идеи недавнего прошлого, но и деформацию крестьянского сознания, возникают названия, насыщенные уже не политическими, а культурными смыслами. Для называния современных сельхозпредприятий достаточно типичным становится обращение к мифонимам (артель «*Деметра*» Оханск., Уинск., где использовано имя древнегреческой богини плодородия и земледелия, ООО «*Овен*» Сукс., специализирующееся на выращивании овец и названное по первому знаку зодиака). Как и многие промышленные предприятия, сельхозобъединения все чаще выбирают

«престижные» названия (сельскохозяйственный производственный кооператив «ЭнКрайс» в Пермском районе, профиль которого – разведение крупного рогатого скота; в основе названия – английское *increase* ‘увеличение, рост, процветание’; «Триумф» – в Бардымском районе).

Еще одна обширная область народного речевого и художественного творчества – частушка, ставшая в советское время не только способом высказать наболевшее, но и средством пропаганды и даже своеобразным оружием классовой борьбы. Компактность структуры и стилистическая простота этого жанра обеспечивала ей пропагандистскую эффективность, делала мобильной и легко запоминающейся. Как отмечает А.Базаров, во время общих собраний к недоимщикам, задерживающимся с выполнением планов хлебосдачи, применялись «творческие» меры унижения, в частности, зачитывались сочинённые комсомольцами оскорбительные, похабные частушки [Базаров 2004: 34]. Одновременно частушка становится способом противостояния официальной власти, народно-поэтической рефлексией над событиями, связанными с катастрофическими изменениями всего уклада деревенской жизни. По мнению Ю.А.Эмер, мифологизированные тексты, прославляющие колхоз и советскую власть, вызывали у советского человека «смешанное чувство обожания и ужаса» [Эмер 2008: 39]. Известно, что в переломные моменты жизни любого общества активизируются культурные механизмы, которые обеспечивают духовное выживание и предлагают альтернативную систему ценностей, знание которой помогает спастись от безысходности и тоски. Частушка активно использовалась в создании такой альтернативной советской идеологии ценностной картины мира.

Тематически колхозные частушки распадаются на ряд блоков. Значительный по объёму корпус идеологически насыщенных частушек прославляет ленинскую партию (*Хорошо живём в колхозе, путь по-ленински ведём. Тракторами землю пашем, хлеб комбайнами жнём*), ударников труда (*Играй, Вася, веселей, я ударница полей. Перед миленьким горжусь – в звеньевые я гожусь*), призывает к борьбе за урожай (*Всем колхозом вышли в поле воевать за урожай. Пусть живёт и процветает наш советский вольный край*). Героиня частушки своим примером показывает, что все, даже свое личное время, нужно отдавать колхозу (*Не ругай меня, мамаша, что я поздно прихожу – инкубаторских цыпляток я в колхозе развожу; Редко дома я бываю, в клубе с книжечкой сижу. Я не время убиваю – за политикой слежу*). Воспевается в колхозной агитационной частушке тот, кто много работает и зарабатывает: (*Акулина, словно роза, каждый день все веселей. Заработала в колхозе 340 трудодней*). В агитационной частушке обращение к образу создает ложный пафос (его выдает и использование не характерного для народной речи сопоставительного союза *словно*). Пафос снимается другим текстом о колхозной работе: *Я не ёдака, не ёдака, не ёдака была – это всё меня колхозная работа довела*. Упомянутые в тексте 340 трудодней (принятая в колхозах единица измерения труда) намного превосходят официальную норму (для мужчин устанавливался минимум в 150 трудодней за год, для женщин – 120). Не выработавшие в течение года минимума трудодней должны были исключаться из колхоза, лишаться приусадебных участков и преимуществ, установленных для колхозников. В 1942 г. за невыработку минимума трудодней в Коми-Пермяцком округе, например, было осуждено 420 человек [Война в глубоком тылу 2011: 65].

Частушки-агитки зачастую строятся без учета основных требований к жанру. Яркий показатель их искусственного конструирования – полное нарушение ассоциативных связей зачина и самого текста частушки. Принято считать, что в современной частушке параллелизм утрачивает свой психологический характер и становится лишь формальным средством организации фольклорного текста. Между тем психологический параллелизм – это не только основной принцип фольклорного текстообразования, но и «средство подключения текста к традиции, в сложный универсум народных представлений и идеалов» [Венгранович 2004: 101]. В основе психологического параллелизма лежит знание традиции. Поэтому введение традиционных формул, повторяющихся в достаточно большом количестве текстов, далеко не всегда носит случайный характер. Использованный в зачине образ, на котором основана формула, так или иначе ассоциативно актуализируется в последующем повествовании.

В прославляющую колхозную жизнь частушку *Из колодца вода льётся – вы её не пейте. Из колхоза не уйду – хоть меня убейте* включена устойчивая формула «льющаяся вода». Эта формула активно применяется в любовных текстах и обычно подчеркивает печаль героини, которая связана с отсутствием любви: *Из колодца вода льётся, на душе моей печаль, провожала краснофлотца, расставаться было жаль; Из колодца вода льётся, пузырится, пенится. Милый мой со мной гуляет, да никак не женится* (то же в двустрочном страдании: *Из колодца вода льётся, на меня милой смеётся*). Льющаяся вода иллю-

стрирует также предельное волнение героини: *Из колодца вода льётся, из ведерка – плещется. Только милого увижу – сердце затрепещется.* Сам по себе образ бурлящей воды связан с идеей энергии, плодородия, активного начала и одновременно скрытой, однако напряженной внутренней жизни. Нередко традиционный текст с этой формулой содержит знаки, указывающие на разрешение внутренней психологической коллизии: *Из колодца вода льётся, на колодце висит ковш. Где б найти такого парня, чтоб на Сашеньку похож.* В этом тексте говорится и о желании любить (символически утоление любовного чувства представлено испиванием из ковша ключевой воды), и о невозможности вернуть былого Сашеньку. В текст о верности колхозу образ льющейся воды, как и призыв не пить воду, включены чисто механистически, вне ассоциативных связей (хотя известны тексты, где этот образ «объяснен»: *Из колодца вода льётся, подаёт её насос. Электричество и радио имеет наш колхоз*).

Частушки отразили такие исторические события, как выполнение пятилетних планов, стахановское движение, соцсоревнование. Пятилетка предстает не как трудовой подъем, а как тяжело переживаемое время (*Ягодиночка уехал пятилетку выполнять. Пятилеточку не выполнит – и дома не бывать*). Стахановское движение шутивно связывается не только с работой, но и с гуляниями (*По-стахановски работа, по-стахановски еда. По-стахановски с ребятами гуляем до утра*). Тема соревнования пропущена также через события личной жизни (*Мы с подружкой вступили в соцсоревнование – чаще в поле выходить, реже на свидание*). Частушка *Соловей перелетает с веточки на веточку. Тяжело переживать эту пятилеточку* содержит традиционный для любовных частушек зачин с образом перелетного соловья (ср.: *Перелётный соловей то на сосны, то на ель. Перелётный милый мой то с подружкой, то со мной; Соловей мой, соловей, то на липу, то на ель; перелётный милый мой, день с подругой, два со мной*); здесь соловей своим беспокойством выражает непостоянство в чувствах. Включение образа в «гражданскую» частушку о пятилетке отчасти обосновано, поскольку и здесь актуализируется тема беспокойства (ср. то же в военной частушке *Соловей перелетает с ветки на смородину, милку ранили в Германии – везут на Родину*).

Немало идеализирующих текстов касается залётки-комсомольца (*За рекой-то по утрам всё поёт соловушка. Мой залётка-комсомолец, умная головушка; Купи, мама мне на платье по-старайся кумачу. С комсомольцем гулять буду, а*

с другими не хочу; Я любила комсомольца и советую любить. Образованные люди, знают, как поговорить). В частушке *Я ходила, где малина, я ходила, где покос. Я любила кари глазки, политический зачёс любимый, обозначенный метонимически (кари глазки), привлекает еще и своей прической (скорее всего, под политическим зачесом имеется в виду «социалистический стиль»: аккуратная классическая прическа с зачесом со лба назад с отклонением в одну сторону (известно, что ВЛКСМ внимательно следил за шириной брюк и аккуратной стрижкой комсомольцев)*. В приведенных примерах может быть усмотрена политическая заданность и в то же время искренняя симпатия, неподдельное живое чувство исполнительницы по отношению к колхозным комсомольцам: как отмечает Н.Скрадоль, деление многих советских частушек на антисоветские и угодные режиму не всегда возможно – их нередко отличает двойственность значений (см. подробнее: [Скрадоль 2011]).

Значительное число агитационных частушек содержит свидетельства идеологически культивируемого отношения к центральной власти (воспринимаемой сугубо персоналистически, через образы вождей). Частушка *Сорвала я, сорвала веточку малинову. Шлю я Сталину привет и Климу Ворошилову* – пример псевдонародного творчества, внушающего любовь к вождям. Она строится по аналогии с частушечным обращением (типа «выходной» частушки *Сорву я веточку, сорву малинову, разрешите сесть поближе к милону*, которой девушка заявляет о себе на вечерке). В зачине ее приведен мотив срывания ветки, частотный в лирическом фольклоре. Вероятно, он восходит к архаичному обрядовому ломанию ветки (ломание ветки, например, использовалось как невербальная форма ритуального отказа от договора и юридических обязательств (см.: [Павлов-Сильванский 1988: 493]); сломленная ветка растения в руке на Вологодчине служила иносказательным выражением согласия невесты на замужество). В любовном тексте отломленная ветка в руке может быть понята как способ выделения себя и привлечения внимания, этап в приближении к любимому и одновременно как знак обещания, клятвы верности. Этот мотив часто используется как знак любовных отношений – от их приятия (*Я поставлю стул на стул, на стул табуреточку, полюблю в чужой деревне, поломаю веточку*) до отказа от них (*Я молодка вышла замуж, заперлася в клеточку, на весёлую гулянку заломила веточку*; ср. в связи с этим в народной фразеологии – арх. *ветку заломить* отказать, обычно на любовные ухаживания). Исходный магический смысл такого действия –

привлечение на свою сторону в качестве «помощника» энергии природы, представленной здесь веткой, которая выступает как знак-заместитель всего дерева. Героиня, передающая с веткой в руке привет Сталину и Ворошилову, следовательно, ритуально клянется им в любви и верности, обращая на себя их внимание. Близкая по смыслу частушка *Взвейтесь, птицы, взвейтесь выше и летите стаями. Отнесите вы привет дорогому Сталину* содержит обращение к Сталину через птиц (известных в мифологии посредников между богом и человеком). Текст оформлен практически как троекратное заклинание (*взвейтесь... взвейтесь... летите*), но цель обращения – лишь просьба передать простой привет, уверенность в дружеских чувствах (а, например, не горячей любви и клятвы в беззаветной преданности). Подобное обращение к Сталину через птиц активно использовалось и в советских песнях: *Лети в Москву, соловушка, на звезды на кремлевские, привет от нас, колхозников, неси родному Сталину* (стих. С.Щипачева, «Лети в Москву, соловушка»). Трудно сказать, что преобладает в этом тексте – вполне искреннее, пусть наивное, чувство любви крестьянки к вождю или сакрализация, мифологически оформленное почитание Великого учителя, Отца народов. Сходным образом частушка *Я с окошка на окошко цветик переставила, чтоб светло было портретам Ленина и Сталина* содержит наивное преклонение (через фетишизацию портретов) перед коммунистическими вождями.

Значителен по объему цикл прикамских частушек о кулаках. Массовое раскулачивание крестьян началось уже в 1931 г.: разорялись хозяйства, растаскивалось и назначалось на торги нажитое добро. При ликвидации кулачества как класса некоторые райкомы давали распоряжения раскулачивать «до пупа», «до нитки». Эмоционально рассказывает об этом частушка о гармонисте: *Ты подумай-ка, подружка, Шуру раскулачили, его новую гармошку на торги назначили*. Раскулаченные крестьяне, а также семьи наиболее зажиточных и противящихся режиму кулаков выселялись в отдаленные районы страны. Прикамье, как и весь Урал, где зарождается промышленная база СССР, становится одним из главных районов для ссылки. Частушки типа *Дролю голоса лишили в это воскресенье. Меня приняли в колхоз, его – на выселение* свидетельствуют о безжалостности репрессивной машины, ломающей простые человеческие судьбы. Как несбыточная мечта звучат слова девушки, разлученной с любимым: *Подружка милая моя, давай купим эроплан. Наши милочки на ссылочке, на ссылочку слетам*. Искренность чувства героини

подчеркивается нередко использованием традиционных песенных символов. В текст частушки *Пойду и посажу у сельсовета ёлочку. Председателю скажу: «Не выселяйте дролечку»* введен символ ели, которая традиционно в русской культуре считалась деревом смерти и печали.

Внешне простая по эмоциональному наполнению частушка *С неба звёздочка упала на четыре линии. Я девчоночка в колхозе, милого не приняли* на самом деле говорит о чувстве раздвоенности, об отчаянии героини, разлученной с милым. В ней, как и в частушке *С неба звёздочка упала бригадиру на ремень. Не пойду в колхоз работать за несчастный трудоводень*, использован известнейший частушечный зачин «*С неба звёздочка упала*». Представленный в нём мотив уже очень далеко отстоит от мифологического восприятия падения звезды как знака смерти (звезда появляется на небе с рождением человека, а со смертью человека она падает и исчезает). Сюжет с падением звезды приобрел в позднейшей культуре более широкий смысл – случайное (поскольку падение звезды стихийно, не зависит от воли человека) осознание человеком своей судьбы, самого нужного, желаемого (с превращением желаемого в реальность связан известный обычай загадывать желание в момент падения звезды). Как отмечал К.Г. Юнг, падение звезд с неба – образ, фиксируемый у человека в максимальном психологическом смятении, связанный с тяжелыми для сознания процессами (типичен при начальных этапах шизофрении [Юнг]). Сходные смыслы психологического напряжения сопровождают мотив в текстах частушек о разлуке, измене, несчастной судьбе: *С неба звёздочка скатилась, я несчастная родилась; С неба звёздочка упала на росу и на туман. Сроду девушка не знала, что в любви есть обман; С неба звёздочка упала, и вторая упадёт. По сватам поехал дролечка – пусть дура попадёт*. В переделках зачин приобретает чисто формальный смысл: если в частушке *С неба звёздочка упала на сарайчик тесовой. Отдай, миленький, колечко и платочек носовой* очевидно напряженное состояние героини, принимающей тяжелое решение, то в тексте с полностью повторенным зачином *С неба звёздочка упала на сарайчик тесовой. Я ударницею стала, все зовут передовой* радость трудно назвать искренней: текст выражает чувство, вызванное карьерным продвижением. Сложный случай применения мотива показывает частушка о бригадире *С неба звёздочка упала бригадиру на ремень. Кто грибовницей накормит, тому пишет трудоводень*. Традиционный ассоциативный смысл зачина здесь уже ослаблен – частушка говорит не о соб-

ственно страдании героини, а высмеивает корыстного начальника. В то же время в ней отражены поиски мотивированности использованного традиционного образа звезды – за упавшую с неба звезду принимается звезда на бляхе солдатского ремня. Так вводится косвенное указание на то, что бригадир был фронтовиком, что, отчасти, извиняет его распоряжение трудоднями; благодаря актуализации формулы текст приобретает большую семантическую многоплановость.

Большое количество текстов содержит резкую критику колхозов. В частушке *Колхознички – канареечки, проработали весь год без копеечки* проводится сатирическая параллель вступивших в колхоз с одомашненной комнатной птицей канарейкой, обреченной на жизнь в клетке. Частушка *У колхозницы на лавочке котомочка лежит. Завтра утром из колхоза половина убежит* соотносит судьбу крестьянки с судьбой нищего: котомка здесь сродни нищенской суме. Иронически колхозная жизнь представляется как беззаботная: *Хорошо в колхозе жить, не болит головушка: ни в хлеву, ни во дворе не мычит коровушка*. Полная незаинтересованность в результатах совместного обесцененного труда высказана в частушке *На колхозную работу мы не потопотимся. Шаг вперед и два назад, да и заворотимся*. В ее состав введено крылатое выражение *шаг вперед и два назад* (созданное из названия многократно переиздаваемой как учебник партийных кадров книги В.И.Ленина, в которой он развил марксистское учение о пролетарской партии). Безвестный автор иронизирует не только над бессмысленностью колхозного труда, но и над предлагаемой классиком учения о социализме тактикой временного отступления от завоеванных позиций. Частушка часто подвергает осмеянию руководство колхозов и бригадиров – нередко ими были малограмотные, непригодные для руководящей работы люди: *Бригадир по полю ходит, балалайка трень да брень. Лейте каждый день по стопке, бабам будет трудодень*. Подчеркивается их грубость и пьянство: *В том конце собака лает, не собака – бригадир: «Выходите на работу, а то хлеба не дадим»; Заместитель с бригадиром все дела направили: на Ильинску пятницу похмелье вместе справили*. Здесь негативная оценка председателя и бригадира усилена указанием на широко признаваемый престольный праздник.

Значителен по объему корпус частушек о сельских механизаторах. Эта новая категория работников появляется в деревне с начала 1930-х – трактористы, комбайнеры, машинисты, чья профессия была достаточно престижна: *Девушки, ура, ура, идут в деревню трактора. Пер-*

вый номер голубой, в нём сидит залётка мой; Трактор идет, алая рябинушка, а на тракторе сидит боля-ягодиночка. Хотя идеологические смыслы здесь ослаблены, но остается главное воспеваемое качество – постоянная преданность колхозному труду: *Ты подруженька моя, люби такого, как и я, – комбайнёра у мотора, тракториста у руля*.

Подробно разработана в прикамской частушке тема принудительных работ колхозников на лесозаготовках: *Вербовщики вербовали, говорили – пиво пить. Вместо пива дали пилы и сказали – лес рубить; Приезжали, вербовали – весело, девчоночки. Ну какой, чёрт, веселье около сосёночки? Крестьян активно привлекают к лесозаготовкам с конца 1920-х гг. – в стране идет индустриализация, средства на которую можно получить только за счет экспорта сырья. В основной своей массе эти частушки выражают негативное отношение колхозников к лесозаготовкам – часто рабочих поселяли в непригодные для жизни помещения, женщинам приходилось работать не только возчиками, но и вальщиками леса, вся работа выполнялась вручную. Частушки представляют повинность как невозможность быть с любимым и как напрасно потерянную молодость: *Приезжали, вербовали, что дадут по болючке. Только дали по матрацу, по железной коечке; Наша молодость проходит у берёзки с топором. День находишься, набродишься – и милой не нужён; Хорошо бы лес возить, тяжело навалить. На навалке дроли нету – не с кем разговаривать*. Далек не женский труд лишает девушку привлекательности: *Говорят, что лесорубки, мы не лесорубочки. Ну как мы лесорубки – по колено юбочки*.*

В последнее время внимание специалистов по семиотике, когнитивистике, политической лингвистике и лингвокультурологии все больше обращается к советскому культурному прототексту. Тем не менее исследование особенностей колхозного фольклора недавнего прошлого в его локальных разновидностях по-настоящему только начинается. Многим собирателям фольклора неоднократно встречаются реалии колхозного времени, включаемые и в фольклорные тексты, и даже в обрядность. Таково, например, описание обряда выведения клопов и тараканов: *После войны почему-то так много было клопов, тараканов. У нас мужик один был, все его звали клопов выводить. Придёт, нарежет бумажки ножницами, как книжечки согнёт, сядет к запечке: «Ну чё, мужички-клопы, нету у вас паспортá, не пускают в города? Теперь есть у вас паспорта, уезжайте в города»*. Бросит имя эти книжечки (зап. от А.П.Кочкиной, 1929 г.р., д. Малые Кле-

стыта Пермского района Пермского края). Осовремененный ритуал строится на известном историческом факте: колхозникам паспорта массово начали выдавать только с 1974 г., до этого времени они были лишены права иметь этот документ – «чтобы не разбегались».

В народной речи и фольклоре, следовательно, находит достаточно полное отражение культурный опыт советской эпохи, фиксируется духовный кризис российской деревни XX в., в том числе изменения в ментальных представлениях, ценностных ориентациях, стереотипах восприятия, мышления и поведения жителей русской деревни. Исследуемый материал показывает и разрыв традиции народного культурно-языкового творчества, и ее продолжение уже в новых исторических условиях.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития Пермского государственного гуманитарного-педагогического университета, проект 006-П «Историческая память жителей Пермского края о советском прошлом», тема 2.1.2.

² В статье исследуется частушечный и языковой материал, отраженный в полевых записях Центра этнолингвистики ПГГПУ и в Справочнике по истории административно-территориального деления Пермской области, ч.2. (Пермь, 1998); частично для анализа привлекались извлечения из сборника: Русские частушки. (Из коллекции Николая Старшинова). М.: Твердь, 1993.

Список литературы

Антонова И.А. Отражение менталитета крестьянства в названиях колхозов. URL: aik-sng.ru/text/bullet/14/110-112.pdf (дата обращения: 10.12.2012).

Базаров А. Хроника колхозного рабства. М.: Возвращение, 2004. 815 с.

Венгранович М.А. Традиционность как базовая стилевая черта фольклорного текста // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.П.Котуровой. Пермь, 2004. Вып.7. С.96–110.

Война в глубоком тылу: хрестоматия. Т.1 (1933–1943). Кудымкар, 2011. 452 с.

Добренко Е. Раешный коммунизм: поэтика утопического натурализма и сталинская колхозная поэма // НЛО. 2009. №98(4). С.133–180.

Иванова М.А. Коллективизация в Прикамье: насилие без границ. URL: <http://www.pmem.ru/index.php?id=97>. (дата обращения: 5.12.2012).

Изюмова Л.В. Колхозный социум 1930—1960-х гг.: социальная трансформация, идентификация и престиж // Известия Уральского государственного университета. 2008. №59. С.103–118.

Лапкина В.В. Циклы, ритмы, волны: проблемы моделирования политического развития. URL: http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=112. (дата обращения: 3.12.2012).

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2008. 784 с.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. 700 с.

Плотников И.Е. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история. 1993. №4. С.160.

Разинкина Н.С. Концептуальная метафора в русском языке советского периода (1917–1956 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. Вып.344. С.26–29.

Скрадоль Н. «Жить стало веселее»: сталинская частушка и производство «идеального советского субъекта» // НЛО. 2011. №2(108). С.160–183.

Тихомиров Н. Красные частушки // Уральский рабочий. 1920. 27 июня (№151). С.2.

Черепанова О.А. Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах // Мастер и народная художественная традиция русского Севера. Петрозаводск, 2000. С.309–316.

Эмер Ю.А. Частушка как народная рефлексия советской ценностной системы // Вестник Томского государственного университета. 2008. №313. С.39–42.

Юнг К.Г. Психогенез умственных расстройств. URL: <http://YourDreams.ru/biblio/pages/carl-gustav-jung-pmd> (дата обращения: 7.12.2012).

Условные сокращения районов Пермского края

Александровск. – Александровский
Бард. – Бардымский
Березовск. – Березовский
Большесосн. – Большесосновский
Верещаг. – Верещагинский
Губах. – Губахинский
Добр. – Добрянский
Ел. – Еловский
Ильинск. – Ильинский
Караг. – Карагайский
Киш. – Кишертский
Краснокамск. – Краснокамский
Кудымк. – Кудымкарский
Куед. – Куединский
Кунг. – Кунгурский
Лысьв. – Лысьвинский

Нытв. – Нытвенский
Орд. – Ординский
Ос. – Осинский
Ох. – Оханский
Перм. – Пермский
Сив. – Сивинский
Сол. – Соликамский
Сукс. – Суксунский
Уинск. – Уинский
Усол. – Усольский

Чайк. – Чайковский
Част. – Частинский
Черд. – Чердынский
Черновск. – Черновской
Чернуш. – Чернушинский
Чус. – Чусовской
Юрл. – Юрлинский
Юсьв. – Юсьвинский

THE PROBLEM OF PRIKAMYE KOLKHOZ FOLKLORE DESCRIPTION

Ivan A. Podyukov

Professor of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

Ekaterina N. Svalova

Post-graduate Student of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

The article is devoted to the description of two cultural-language strata which are part of the Prikamye kolkhoz folklore of the 1930s-1970s: kolkhoz toponymy (names of collective farms and agricultural artels) and the collection of kolkhoz chastushka. The analysis of the meaning, specificity of figurativeness and kolkhoz agronyms symbolism and the Soviet chastushka is given; ideological connotations and stylistic properties are described, and their determination by the Soviet political mythology and ideology is revealed. The conclusions concerning the changes in traditional peasant consciousness and transformations of traditional spiritual culture of the Russian village caused by the political events of the 20th century are presented.

Key words: language and folklore of the Soviet epoch; folklore; imagery and symbolism of lyric folklore; totalitarian society ideology and symbols; political mythology in USSR.